

ЧАС ОТ ЧАСУ все жарче. В воздухе колеблется марево, оно похоже на легкий пар, что поднимается из огромного закипающего котла. Края котла — зубчатые, синие. Это хребты Саяна и Ала-Тау, окаймившие степь полукругом. А внутри этого котла раскаленными кажутся древние надмогильные камни из красного песчаника. Облака над степью и те в рыжих подпаллах от зноя. Белеет солончаковая корка на месте вы-

Уездный Совет далеко. В стране еще продолжалась гражданская война, бродили недобитые банды колчаковцев, Соловьева, барона Унгерна, пытавшиеся сокрушить Советскую власть. Всем этим ловко пользовались Пигоны, Сотниковы, Харбинки и другие.

Сотнями лет под влиянием царского гнета в хакасах воспитывалась вражда ко всему русскому, к тому, что связано с русским народом. Не так-то просто и скоро

по вытянутой руке, крепко прижал ладонь к ладони старика и сказал:

— Вот такой закон один и есть. Других не будет.

— Почто не будет? Кто так делал? Ты?

— Не я, дед, Ленин.

Старик вопросительно уставился на Федора.

— Иленин, говоришь?

— Да, Ленин. — Федор показал на свою бугристую ладонь. — Ленин для твоих рук закон дал. Правильный закон.

тайга, в борьбе за советскую Хакасию.

Это ярко выразил Хоортай, вернувшись с беспартийной конференции хакасов.

— Но, аргыстар. Послушайте меня, какая новость. Советская власть хочет, чтобы хакас-кази сами степью распоряжались. Для того в Мин-Суг звали. Много аксакалов — коммунаров было. Из Хуба-гара, из Ширы, из Аскиза... Советовались...

— Степью распоряжаться? Сами? Без русских большевиков? — раздалось из толпы.

Хоортай взглянул в ту сторону, увидел сильно постаревшего за зиму Хапына. Бывший бай стоял в старом тааре, перетянутом сыромятным ремешком. Редкая борода его тряслась, глаза слезились. Табунов нет, Тайон бежал, когда его везли из Хаза-тайги. А отца успел ограбить — шкатулку увез. И все-таки Хапын еще думал о чем-то своем...

— Зачем без русских? С ними — только без наших баев, — ответил по-хакасски же Хоортай. — На совете в Мин-Суге об этом говорили... Советская Хакасия будет называться наш край...

Так победила ленинская правда на древней земле хакасов, и в степи был установлен новый закон — советский закон.

Николаю Доможакову удалось создать яркий, запоминающийся роман о рождении, в муках и борьбе, новой, Советской Хакасии, о становлении древнего, но вечно молодого хакасского народа. Нельзя не отметить, что немалый вклад внес переводчик Геннадий Сысолятин, сохранивший в русском переводе колорит и былинность хакасского языка, его самобытность и напевность.

Появление романа Н. Доможакова — это большое достижение народа, ранее не имевшего даже своей письменности, успех правильного осуществления ленинской национальной политики. Хочется надеяться, что Николай Доможаков, в творческом содружестве с Геннадием Сысолятиным, продолжит работу над романом и мы узнаем о дальнейшей судьбе героев «Далекого аала», которые близки нам по духу и целям, по смыслу жизни.

В. БОБРОВНИК.

РАЗБУЖЕННАЯ СТЕПЬ

ЧИТАТЕЛЬ О КНИГЕ

сохших озерц. Потрескивает, высыхая, ковыль. Не видно даже сусликов».

Такой показывает древнюю хакасскую степь писатель Николай Доможаков в первом хакасском романе «В далеком аале». Этот роман опубликован в органе Союза писателей РСФСР — журнале «Сибирские огни» (№№ 11 и 12 за 1968 год).

Первый хакасский роман — действительно, первая ласточка хакасской прозы. В талантливом переводе Геннадия Сысолятина первый хакасский роман звучит, как новый инструмент в общем оркестре искусства хакасского народа.

...В прошлом — дикость, беспросветная нужда и голод царят в маленьком селении хакасской степи, где свои законы, освященные веками родовые отношения, где царствует право сильного. И Советская власть к тому времени не внесла коренных изменений в жизнь и быт хакасов.

Писатель на запоминающихся образах Тойона, Пигона, шамана Аларгона показывает, почему получилось так, что на первых порах Советской власти в хакасской степи почти ничего не изменилось. Во вновь образованные аалсоветы пробрались ставленники баев, ярые националисты, ловко играющие на чувствах хакасов, культивировавшие враждебное отношение к русским

можно изжить, ликвидировать эту вражду.

Николай Доможаков теплыми красками рисует портреты русских — Федора Полинцева, его жены Вари, Губенкова, Жаркова. Он показывает их доброту, сердечность, искреннее желание помочь забитому маленькому народу найти свою дорогу — счастливую дорогу — в жизни. Нелегка эта борьба за новую жизнь! Находятся и среди хакасов понявшие русских и помогающие им утверждать новый закон — закон Советской власти, власти трудового народа.

Ярко описана эта сцена в романе.

— А много, дедушка, степных законов?

— Разные есть. Один закон вот... — Хоортай пошарил по карманам, вытащил мятую керенку — советские деньги еще не дошли сюда. — Вот самый большой закон.

Поглядел старик на Федора снизу вверх, будто проверяя: «А разве сам этого не знаешь?».

— Хм... Деньги... А много их у тебя было?

Старик замотал головой.

— Ну вот, стало быть, у тебя другой закон, — решил Федор. — А какой?

— Мой, Педор Павлыч? Вот такой рука — мой закон. — И он протянул кузнецу жилистую руку с узлами вен и твердой ладонью. Морщинки у его глаз собрались пучками.

Федор хлопнул Хоортая

— И ты видел Иленина?

— Видел. Вместе со мной он ходит. — Федор полез в грудной карман пиджака и вытащил газету «Соха и молот». На первой странице газеты был портрет Владимира Ильича Ленина. — Вот он...

Старик припал к газете, разглядывая снимок. Потом улыбнулся Полинцеву. Федор не понял, чему улыбнулся старик. Тогда Хоортай пошлепал себя по щеке, показал на лицо Ленина, на его прищуренные глаза.

— Такой наша степь понимает...

И пошла газета со снимком Ильича по рукам хакасов.

— Иленин надо каждый улус иметь. В нашем аалсовете почему нет Иленина? — возмущенно и с горечью проговорил батрак Апах.

Правдиво, с тонким пониманием жизни рисует эту картину писатель. И она запоминается, как одна из ярких страниц романа, повествующая о любви трудового народа к большевистскому вождю. И, может быть, в этот момент и были заложены основы будущей коммуны — прообраза новой жизни хакасов, живущих по ленинским законам.

В романе широко и многопланово показано, как много трудностей и лишений пришлось пережить основным героям в борьбе за новую жизнь. Конец этой борьбы символически заключается в разгроме банды Самохвалова и Пигона в урочище Хазе-